

ЭЛИС ХЕГАН РАЙС

ЛАВИ МЭРИ

ДОБРОТА, НАДЕЖДА, СОСТРАДАНИЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИЗВЕСТНОГО РОМАНА
“МИССИС УИГГС ИЗ КАПУСТНОГО ПЕРЕУЛКА”

Элис Хеган Райс

Лави Мэри

«Автор»

2026

Райс Э.

Лави Мэри / Э. Райс — «Автор», 2026

«Лави Мэри» — прямое продолжение всемирно известной книги «Миссис Уиггс из Капустного переулка», покорившей миллионы читателей и четырежды экранизированной в Голливуде. Тринадцатилетняя сирота Лави Мэри — резкая, колючая, уверенная, что любить её не за что, — сбегает из приюта, чтобы спасти маленького Томми от беспутной матери. Дорога приводит их в тот самый бедный, но невероятно тёплый Капустный переулок, где живут уже знакомые читателю миссис Уиггс и её большое семейство. Среди нищеты и доброты Лави Мэри предстоит научиться самому трудному: верить, что её можно любить просто так, ни за что, — и от этой веры на глазах меняться самой. Это книга о доме, который обретают не по крови, а по доброте. В книге — четыре бонуса: галерея героев с портретами, ботанический путеводитель по «Саду разных вероисповеданий» мисс Вини, мастер-класс по шитью тряпичной куклы своими руками и глоссарий колоритных просторечных слов и выражений Капустного переулка.

© Райс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От переводчика	5
Главные герои	7
Глава I	19
Глава II	23
Глава III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Элис Хеган Райс Лави Мэри

От переводчика

Когда я заканчивал работу над «Миссис Уиггс из Капустного переулка», мне было жаль расставаться с его героями — с самой миссис Уиггс, неисправимой оптимисткой, способной найти повод для радости даже в самый безрадостный день, с её шумным и добрым семейством, с тихим, немного нескладным укладом жизни на окраине Луисвилла, где соседи знали друг друга по именам, а бедность соседствовала с настоящим, не показным участием.

Элис Хеган Райс, к счастью для своих читателей, тоже не смогла расстаться с этим миром — и через два года после первой книги написала прямое продолжение. «Лави Мэри» рассказывает не о миссис Уиггс, хотя она снова здесь, всё такая же, — а о новой героине: колючей, резкой на язык тринадцатилетней сироте, которая сбегает из приюта, чтобы спасти чужого ребёнка, и находит дорогу в тот самый Капустный переулок.

Это книга о том, как трудно бывает поверить, что тебя можно любить просто так, ни за что, и как эта вера, если её однажды подарить человеку, способна его переменить. Лави Мэри для меня получилась даже ближе, чем миссис Уиггс, — потому что путь миссис Уиггс мы наблюдаем со стороны, а путь Лави Мэри проживаем вместе с ней, от первой сердитой гримасы у окна приюта до последней фразы на площадке уходящего поезда.

Здесь читателя снова ждут знакомые лица — миссис Уиггс, Билли, Азия, Австралия и Европена, — но увиденные уже глазами человека со стороны, для которого их дом и их доброта становятся спасением. И, как и в прошлый раз, я постарался сохранить то самое просторечие, которым Райс наделила своих героев, — тёплое, чуть архаичное, без нарочитой стилизации под какой-то конкретный русский говор, — потому что именно в этой речи, кажется, и живёт душа Капустного переулка.

Два слова о самом переводе. Во-первых, в этой книге очень много именно разговорной, народно-просторечной речи — и это не случайность и не небрежность, а то, чем Райс лепит своих героев: по тому, как человек говорит, читатель сразу узнаёт его характер вернее, чем по любому описанию. Переводя эту речь, я намеренно не сглаживал её до правильного литературного языка: пусть Лави Мэри «спросют», а не «спросят», пусть у неё «ничё» вместо «ничего», пусть она вспоминает, как «энтих» деток укладывали спать, а мисс Хейзи охает «батушки-светы» и просит «пожалста» не сердиться; пусть Томми не любит «ц'ловаться», а миссис Уиггс

объявляет цветы в саду мисс Вини «препривередливы», а погоду — «грозово», предвещающей «торнады». Всё это — не ошибки речи, а её живая, тёплая неправильность, без которой Капустный переулок перестал бы быть собой. Слов этих, впрочем, набралось столько, что в какой-то момент я и сам почувствовал себя иностранцем в родном языке, — и в результате в конце книги пришлось завести отдельный глоссарий: перевод с капустно-переулочного на русский литературный, если вдруг понадобится.

Во-вторых, кое-где в тексте вы встретите слова с проставленным ударением — например, «чудн^ая». Это не опечатка и не прихоть: ударение здесь стоит нарочно, чтобы передать особую интонацию — лёгкое удивление, тепло, а порой и добрую насмешку, с которой это слово произносится, — то, что при обычном ударении «чу^дная» попросту потерялось бы.

Приятного чтения — и, надеюсь, встреча с этими героями окажется для вас такой же тёплой, как была для меня.

Владимир Давыдов

Главные герои

Ниже — портреты главных героев книги.

ЛАВИ МЭРИ

Тепло сердца сильнее любых невзгод

Лави Мэри

Tommy
A Portrait of Cabbage Patch Hope

Томми

Миссис Уиггс (Эльвира Уиггс)

Билли

Азия, Австралия и Европена

Miss Hazy
A Portrait of Cabbage Patch Perplexity

Мисс Хейзи

Chris Hazy
A Portrait of Cabbage Patch Optimism

Крус Хейзи

Miss Bell
A Portrait of Stern Principle

Мисс Белл

Kate Ryder
A Portrait of Hope and Resilience

Кейт Райдер

Miss Viny
A Portrait of Kindred Spirit

Мисс Вини

Глава I Кактус

*Ведь жизнь, при всей той доле счастья и печали,
Надежд и страхов... — это только шанс
Постичь награду за урок любви, —
Какой любовь могла бы стать, была и есть.*

Браунинг, «Смерть в пустыне»

Во всём облике Лави Мэри было сплошное противоречие: руки и ноги, которые, казалось, предназначались для взрослой девушки, соседствовали с высокими устремлениями и мечтами, приличествующими разве что кроткому нраву. Единственное, что могло бы примирить между собой все эти разноголосые начала в её маленькой смятенной груди, — этого ей никто и никогда не потрудились дать.

Когда мисс Белл, воспитательница приюта, явилась принять покаяние Лави Мэри, она застала её у окна наверху: девочка корчила отвратительные рожи и пинала мебель. О глубине её раскаяния всегда можно было судить по неистовству поведения. Мисс Белл поглядела на неё так, как смотрела бы на иероглифы обелиска. Она пыталась расшифровать её вот уже тринадцать лет.

Мисс Белл была дородна и чопорна — сочетание, которое природа уж точно не задумывала. Серое платье и тугой полотняный воротничок с манжетами создавали неловкое впечатление, будто их пришили прямо к телу, а её жёсткие чёрные волны волос казались навеки нарисованными на высоком лбу. Она была человеком порядка: верила в систему, верила в дисциплину и верила, что благочестие сродни чистоплотности. Когда ей попадалось исключение из правила, она рассматривала это исключение как ошибку. Стоя со щёткой в руке перед Лави Мэри, она в сотый раз подумала, что эта девочка — исключение.

— Встань, — велела она твёрдо, но не сердито. — Я полагала, у тебя достанет ума не укладывать волосы подобным образом. Пойдём в умывальную, я приведу их в порядок как следует.

Лави Мэри на прощание пнула стену и последовала за мисс Белл. Одна сторона её головы была покрыта тугими чёрными колечками, другая же топорщилась папильотками.

— Когда я была маленькой девочкой, — говорила мисс Белл, безжалостно протягивая мокрый гребень сквозь заветные кудри, — чем глаже были мои волосы, тем больше мне это нравилось. Я, бывало, приглаживала их мылом и водой, чтобы держались.

Лави Мэри посмотрела на волнистую причёску мисс Белл и вздохнула.

— А если ты дурнушка, то замуж-то никогда ни за кого не выйдешь, да, мисс Белл? — спросила она с самым серьёзным любопытством.

Спина мисс Белл сделалась ещё прямее, если только это было возможно.

— Замужество — не единственное, ради чего стоит жить на свете. Чем ты некрасивее, тем больше у тебя шансов быть доброй. Господь, видно, задумал тебя простой, — тут она, помогая Провидению, стянула косы так туго, что брови девочки поползли вверх от натяжения, — а если бы он хотел, чтобы у тебя были кудри, он бы их тебе дал.

ИЛЛ: «Господь, видно, задумал тебя простой»

— Ну а разве он не хотел, чтоб у меня были мать с отцом? — вырвалось у Лави Мэри с негодованием. — Или одёжа, или деньги, ничего? Неужто мне никогда ничего не будет, раз уж я с самого начала осталась ни с чем?

Мисс Белл была слишком потрясена, чтобы ответить. Она в последний раз провела щёткой по гладким мокрым волосам и печально отвернулась. Лави Мэри бросилась за ней и схватила её за руку.

— Простите, — воскликнула она порывисто. — Я хочу быть хорошей. Пожалуйста... пожалуйста...

Мисс Белл холодно высвободила руку.

— Сегодня утром можешь не идти в воскресную школу, — произнесла она обиженным тоном. — Останешься здесь и подумаешь над тем, что наговорила. Я на тебя не сержусь — я никогда не позволяю себе гневаться. Просто не понимаю тебя, вот и всё. В одних вещах ты такая хорошая девочка, а в других — такая неразумная. Чего ещё может желать девочка, у которой есть хороший дом, хорошая одежда и доброе обхождение?

Не получив ответа на этот вопрос, мисс Белл поправила манжеты и удалилась с убеждением, что сделала всё возможное, дабы пролить свет на тёмный предмет.

Оставшись одна, Лави Мэри пролила горькие слёзы на своё чистое ситцевое платье. Тринадцать лет — срок, за который человек мог бы уже примириться и с ситцевыми платьями с белыми фарфоровыми пуговками вдоль спины, и с круглыми соломенными шляпками, купленными оптом. Но бунтарский дух Лави Мэри со временем лишь укреплялся. Началось всё с Кейт Райдер, которая, бывало, щипала её, смеялась над ней и подговаривала других девочек «поглядеть на её стать». Слово «стать» означало для Лави Мэри что-то ужасное; она бы вздохнула с истинным облегчением, узнав, что никакой стати у неё отродясь не было. Впрочем, не Кейт Райдер была причиной нынешних слёз — та покинула приют два года назад, и имя её запрещалось помянуть даже шёпотом. Не было причиной и бунт против работы, повергший Лави Мэри в такую пучину уныния: четырнадцать кроватей были застелены, четырнадцать голов расчёсаны, и четырнадцать вертлявых маленьких телец бодро застёгнуты в такие же, как у неё самой, накрахмаленные синие ситцевые платица.

Что-то более глубокое и таинственное бродило в её душе — что-то, заставлявшее её страстно тосковать по прекрасным вещам жизни, по любви, сочувствию и счастью; что-то, что побуждало её быть доброй и вместе с тем то и дело искушало восставать против её же окружения. То был извечный дух, тот самый, что заставляет самый ничтожный сорнячок пробиваться сквозь трещину в камне и тянуться вверх, к солнцу.

— Что это у тебя с волосами, Лави Мэри? Такие смешные, — спросила маленькая девочка, поднявшись по ступенькам.

— Кто спросит — скажи, не знаешь, — огрызнулась Лави Мэри.

— А мисс Белл велела тебе идти в контору, — невозмутимо продолжила та. — Там дама одна — дама с ребёнком. Мы с Сюзи подглядывали. Мисс Белл довела даму до слёз — заставила её пудру с лица стереть.

— И меня позвали? — недоверчиво переспросила Лави Мэри. Такой всплеск в тихом омуте приюта способен был заинтересовать даже самую безутешную душу.

— Ага. А мы с Сюзи ещё подглядим.

Лави Мэри утёрла слёзы и поспешила вниз, в контору. У самой двери она услышала взволнованный девичий голос — тот то умолял, то протестовал, — и мерный голос мисс Белл, пытавшийся его унять. При её появлении оба голоса смолкли.

— Мэри, — сказала мисс Белл, — ты помнишь Кейт Райдер. Она привела своего ребёнка — просит присмотреть за ним какое-то время. Найдётся ли у тебя в отделении для него место?

Взглянув на разряженную девицу на диване, Лави Мэри вновь ощутила прилив прежней неприязни. Не дерзкие чёрные глаза Кейт разбудили в ней злость и не жёсткие красные губы, напомнившие о былых насмешках, — а рыжеватые кудри, дразняще пышной волной выбивавшиеся из-под полей нарядной шляпки.

— Мэри, отвечай на вопрос! — резко произнесла мисс Белл.

С невольной дрожью отвращения Лави Мэри отвела взгляд от Кейт и пробормотала:

— Да, мэм.

— Тогда возьмишь малыша к себе, — продолжила мисс Белл, указывая на спящего ребёнка. — Впрочем, постой. Пожалуй, я поставлю во главе твоего отделения Дженни, а тебе поручу целиком заботу об этом мальчике. Ему всего год, как говорит Кейт, так что нужен постоянный уход.

Лави Мэри уже собиралась возразить, но тут вмешалась Кейт:

— Ой, мисс Белл, ну возьмите лучше кого другую! Томми ни в жизнь не полюбит Лави. Он весь в меня: коли люди не хороши собой, ему до них дела нет.

— Довольно, Кейт, — холодно оборвала мисс Белл. — Только жалость к ребёнку заставляет меня вообще его принять. Ты лишилась всякого права на наше сочувствие или терпение. Мэри, отнеси малыша наверх и присматривай за ним, пока я не приду.

Лави Мэри, пылая от возмущения, подхватила его на руки и вышла из комнаты. У самой двери она едва не споткнулась о двух девчонок, подслушивавших у замочной скважины.

Наверху, в длинной спальне, стояла глубокая тишина. Детей увели на воскресную школу, и на втором этаже оставались только Лави Мэри да спящий младенец. Девочка присела у маленькой белой кровати и ненавидела весь мир, каким она его знала: она ненавидела Кейт — за то, что та прибавила это новое оскорбление к старому счёту; ненавидела мисс Белл — за то, что та взвалила на её неохотные плечи эту новую ношу; ненавидела саму эту ношу, лежавшую перед ней такой безмятежной и безучастной; и больше всего ненавидела саму себя.

— Хоть бы я померла! — воскликнула она страстно. — Чем больше стараюсь быть хорошей, тем хуже выходит. Все меня винят, все надо мной смеются. Лицо страшное, руки страшные, волосы прямые, как крысиный хвост! Немудрено, что меня никто не любит. Хоть бы я померла!

Солнечный свет лился в окно и стелился большим белым пятном по голому полу, но Лави Мэри сидела в тени и нарушала воскресную тишину своими тяжёлыми рыданиями.

В полдень, когда дети вернулись, шум их прихода разбудил Томми. Он открыл круглые глаза на незнакомый мир и громко заплакал. Одна девочка за другой пыталась его утешить, но каждая дружеская попытка лишь усиливала его страх.

— Отстаньте от него! — крикнула Лави Мэри. — От этих шляп кого хошь до истерики доведут! — Она подхватила его на руки и с навыком, рождённым опытом, принялась успокаивать.

вать и утешать. Малыш спрятал лицо у неё на плече и вцепился изо всех сил. Она чувствовала, как всё ещё сотрясают его тельце всхлипы, и его слёзы падали ей на щёку.

— Ничё, ничё, — приговаривала она. — Не дам я тебя в обиду. Я сама за тобой присмотрю. Не плачь боле. Гляди-ка!

Она вытянула свою длинную некрасивую руку и с забавной неловкостью попыталась поймать солнечный луч, лившийся в окно. Томми замешкался — и пропал: улыбка пробилась на поверхность и прорвалась сквозь слёзы.

— Гляди! Смеётся! — радостно вскричала Лави Мэри. — Смеётся, потому как я поймала для него солнышко!

Тогда она порывисто наклонилась и поцеловала маленькие красные губки, оказавшиеся так близко к её собственным.

Глава II

Беглая парочка

«С опасностью растёт и мужество».

Целых два года Лави Мэри заботилась о Томми: купала его, одевала, учила ходить, целовала его шишки, чтобы поскорее прошли; шила ему одежки и нянчилась днём, а по ночам спала, обняв его усталыми руками. И Томми с непостижимой философией детства принял свою маленькую приёмную мать и отдал ей всего себя без остатка.

Однажды в ясный июньский полдень они возились во дворе приюта под буками. Лави Мэри лежала на траве, а Томми пригоршнями бросал ей в лицо листья, заливаясь смехом при виде её гримас. Вдруг щёлкнула калитка, и кто-то направился к ним.

— Батюшки, никак это мой малец? — раздался женский голос. — Иди сюда, Том, поцелуй мамочку.

Лави Мэри, приподнявшись, увидела Кейт Райдер — всю в рюшах и лентах, — с удивлением разглядывавшую крепкого мальчугана перед собой.

Томми решительно воспротивился этому внезапному натиску и категорически отказался признавать родство. Более того, когда Кейт попыталась притянуть его к себе, он бросился искать защиты у Лави Мэри и бросал на непрошеную гостью воинственные взгляды.

Кейт рассмеялась.

— Да ладно тебе бояться, привыкай понемногу — я ж тебя домой заберу. Ну и крепыш же он, а, Лави? Он же орал всю ночь напролёт, бывало. Иной раз мне его и по два, и по три раза за ночь шлёпать приходилось.

Лави Мэри крепче прижала к себе ребёнка и в немом ужасе подняла глаза. Неужто Томми отберут? Неужто Томми уедет с Кейт?

— Вот те на! — воскликнула Кейт, раздражённая её видом. — Ты всё такая же дурнушка и дурёха, как и раньше была. Пойду-ка я к мисс Белл.

Лави Мэри дождалась, пока та скроется в доме, а затем бесшумно прокралась к окну конторы. Занавеска колыхалась, задевая её щёку, а качавшаяся сирень словно норовила пересчитывать фарфоровые пуговицы у неё на спине; но она стояла, широко раскрыв глаза и приоткрыв рот, затаив дыхание, чтобы слушать.

— Разумеется, — говорила мисс Белл, тщательно взвешивая каждое слово, — если вы полагаете, что теперь способны содержать своего ребёнка и что ваш долг — забрать его, мы возражать не станем. У нас много других детей, ожидающих места в приюте. И всё же... — голос мисс Белл прозвучал вдруг по-человечески, неестественно, — всё же мне бы хотелось, чтобы он остался. Задумывались ли вы, Кейт, о своей ответственности перед ним, о...

— Ой! Ай! — донёсся с площадки для игр отчаянный вопль Томми.

Лави Мэри бросила свой наблюдательный пост и кинулась на выручку. Она застала его заходящимся в неистовом плаче, а по подбородку у него сбегала тонкая струйка крови.

— Это моя уточка, — выдохнул он, едва обретя дар речи. — Я её ц'ловал, а она меня укусила.

При мысли о такой чёрной неблагодарности со стороны уточки Томми зарыдал с новой силой. Лави Мэри отвела его к колонке и промыла пострадавшую губу, утешая его на ходу. Вдруг волна нежности захлестнула её. Она приподняла его пухлое личико к своему и горячо спросила:

— Томми, ты меня любишь?

— Да, — ответил Томми, укоризненно покосившись на утку. — Да, я люблю любить. А вот ц'ловаться не люблю!

— Да не то, Томми, меня. Меня-то ты любишь?

— Да, — важно ответил он, — доллар с полтиной.

— Чей ты мальчик?

— Лявин мальчик.

Удовлетворившись этим катехизисом, она сдала Томми на попечение другой девочки и вернулась на свой пост у окна. Мисс Белл снова говорила:

— Я подготовлю его к завтрашнему дню, к вашему приходу. Вся его одежда в порядке. Я лишь надеюсь, Кейт, что вы станете заботиться о нём так же нежно, как Мэри. Боюсь, ему будет её очень не хватать.

— Если он в меня пошёл, забудет про неё дня за два-три, — отозвался другой голос. — У меня всегда было: с глаз долой — из сердца вон.

Ответ мисс Белл прозвучал неразборчиво, и через несколько минут Лави Мэри услышала, как за ними закрылась входная дверь. Она сжала кулаки так, что сирень задрожала.

— Не отдам я его ей! — яростно прошептала она. — Не дам ему вырасти таким же скверным, как она сама. Не пушу его. Спрячу его, я...

Внезапно она совершенно затихла и долго сидела неподвижно, скорчившись за кустами. У проблемы, вставшей перед ней, было лишь одно решение — и Лави Мэри его нашла.

На следующее утро, когда солнце вскарабкалось над верхушками деревьев и заглянуло в окна спальни, оно обнаружило, что кое-кто ещё поднялся спозаранку. Лави Мэри сидела у шкафа, составляя своё последнее завещание. Из аккуратно сложенной стопки белья она выбрала несколько вещей и завязала их в узелок. Затем она достала сигарную коробку и торжественно осмотрела её содержимое. Там были две узкие ленты для волос, явно некогда бывшие одной широкой лентой, кусочек горного хрусталя, четыре бумажные куклы, потрёпанная книжка с картинками, на обложке которой было выскоблено чьё-то чужое девчоночье имя, и два блестящих серебряных доллара. Таково было всё земное достояние Лави Мэри. Она увязала деньги в носовой платок, сунула в карман, затем тихонько поднялась и прокралась между маленькими белыми кроватками, раздавая свои сокровища.

— Я на Сюзи злюсь, — прошептала она, остановившись над растрёпанной головёнкой, — не хочется отдавать ей самую хорошую вещь, что у меня есть. Да больно уж она книжки с картинками любит.

Любопытное солнце поднялось ещё немного выше и увидело, как Лави Мэри вернулась к своей кровати, скатала одежки Томми вместе со своим узелком, подхватила на руки спящего

малыша и тихо выскользнула из комнаты. А затем солнце поднялось слишком высоко в небеса, чтобы и дальше следить за маленькими беглыми сиротками. Никто не видел, как она прокрадлась через опустевшую игровую комнату, вниз по чистым голым ступеням, которые сама же помогала стирать до блеска, и через двор — к угольному сараю. Здесь она одела упиравшегося Томми и повязала на него маленькую круглую соломенную шляпку, до нелепости похожую на её собственную.

— Мы в прятки играем, да, Лявя? — спросил озадаченный малыш.

— Да, Томми, — прошептала она, — и мы идём далеко-далеко, прятаться. Ты теперь мой мальчик, и должен любить меня больше всего на свете. Скажи, Томми: скажи «я люблю тебя больше всех на свете».

— А мне за это на почётную грамоту дадут? — спросил Томми, решив, что заучивает золотой стих.

Но Лави Мэри уже позабыла свой вопрос. Она бросала прощальный взгляд на приют, каждый уголок которого вдруг стал ей дорог. Она уже казалась себе чем-то отдельным, существом, не имеющим права на его кров и защиту. Она повернулась туда, где Томми играл в углу с какими-то палочками, велела ему не двигаться и не говорить ни слова до её возвращения, а сама тихонько прокрадлась обратно по дорожке — на кухню. Быстро и бесшумно она развела огонь в плите и наполнила чайник водой. Затем осмотрелась — не найдётся ли ещё чего сделать. На столе лежала бакалейная книжка с привязанным карандашом. Она немного подумала, а затем старательно вывела под последним заказом: «Мисс Белл я забочусь про Томми пожалуйста не сердитесь». Затем она тихо притворила за собой дверь.

Через несколько минут она вынула Томми через низкое окошко сарая, поспешно провела его по переулку и вывела на утренние улицы. На углу они сели в трамвай, и Томми, встав коленками на сиденье у окна, с восторженным вниманием впитывал новые виды; для него приключение начиналось блестяще. Даже Лави Мэри ощутила прилив воодушевления, расплачиваясь за проезд одним из серебряных долларов. Она поняла, что произвела впечатление на кондуктора, потому что тот сказал: «Вы б за шляпкой парнишки приглядели, мэм». Это «мэм» доставило ей глубокое удовольствие; невольно она переняла тон и манеру мисс Белл, беседуя с затылком Томми.

— Пойдём по проспекту, — сказала она. — Будем ходить от дома к дому, пока я не найду работу. Почти всякий рад будет взять расторопную девчонку, которая умеет готовить, стирать и шить, вот только... я не очень большая, да ещё и ты со мной.

— Гляди, какой домище! — закричал Томми, наполовину высунувшись из окна.

— Да, только не кричи так громко. Это здание суда.

— А где пластырь судейский делают? — пронзительно осведомился Томми.

Лави Мэри с беспокойством оглянулась по сторонам. Она надеялась, что старик в углу не расслышал этого невежественного замечания. Всё шло гладко, пока трамвай не доехал до конечной станции. Тут Томми наотрез отказался выходить. Напрасно Лави Мэри увещевала и грозила.

— Он нас прямо назад в приют доведёт, — умоляла она. — Будь хорошим мальчиком, пойдём с Лявей. Я тебе куплю чего-нибудь вкусенького.

Томми оставался непреклонен. Он верил в правило «от добра добра не ищут». Радости поездки на трамвае были налицо, осязаемы; «чего-нибудь вкусенькое» — расплывчато и необедительно.

— Братишка твой слезать не хочет? — сочувственно спросил кондуктор.

— Нет, сэр, — отвечала Лави Мэри, пытаясь сохранить достоинство, сражаясь со своим подопечным. — Будьте так добры, сэр, подержите его за ноги, пока я разожму ему руки.

Томми, испуская негодующие вопли протеста, был вынесен из трамвая и водворён на тротуар.

— Не смей раскисать! — пригрозила Лави Мэри. — А то отшлёпаю прямо тут, на улице. Встань! Выпрями ноги! Томми! Ты меня слышишь?

Томми мог бы упрямыться до бесконечности, если бы весьма кстати не показалась шарманка. Правда, идти он соглашался только в сторону музыки, но Лави Мэри была рада уже тому, что он вообще пошёл. Когда они наконец направились к проспекту, Томми устроил новую задержку.

— Хочу мою уточку, — объявил он.

Эти слова повергли Лави Мэри в смятение. Она со страхом ждала их с той самой минуты, как они покинули приют.

— Я куплю тебе уточку понарошку, — сказала она.

— Нет, хочу настоящую уточку, хочу мою.

Лави Мэри вышла из терпения.

— Ну, твою ты получить не можешь. Я не могу тебе её достать, так что уж лучше помолчи.

Губы его задрожали, и две крупные слезы скатились по круглым щекам. Обиженный, он был неотразим. Лави Мэри тут же сдалась.

— Не плачь, малыш! Лявя тебе как-нибудь да раздобудет уточку.

Некоторое время поиски утки оставались безуспешными. Магазины, куда они заходили, были по большей части оптовыми складами, где мужчины катали бочки или складывали на тротуаре шкуры и кожи.

— Не знаете, в каком магазине уток продают? — спросила Лави Мэри у чернокожего мужчины, подметавшего контору.

— Уток! — повторил негр, ухмыляясь при виде чудно одетых детишек в круглых соломенных шляпках. — Господи Боже! Да на что вам всем утки-то сдались?

Лави Мэри объяснила.

— А котёнок не сгодится, так же ж хорош? — добродушно спросил он.

— Хочу мою уточку, — заныл Томми, подавая признаки надвигающейся бури.

— Не знаю иначе, окромя как на рынок сходить. Коль на трамвае поедете, так прям туда и довезёт.

Недавний опыт научил Лави Мэри остерегаться трамваев, так что они пошли пешком. На рынке нашлись утки. Желанные создания висели связкой, с поникшими головами, увязанными вместе. Однако дальнейшие расспросы выявили и живых — в клетке.

— Это всё мамки-утки, — возразил Томми. — Хочу утёночка. Хочу мою маленькую уточку!

Убедившись, что лучшего не найти, он решил взять одну из больших. Затем заявил, что проголодался, так что они с Мэри по очереди держали утку, пока другой ел «бедняцкий пикуль» и сардельки.

Было уже два часа, когда они добрались до проспекта, а к четырём совсем сбили ноги и устали, но всё же храбро брели от дома к дому, спрашивая работу. С наступлением сумерек дома, которые несколькими кварталами раньше были высокими и внушительными, стали казаться всё меньше и незначительнее. Лави Мэри чувствовала себя в безопасности, пока они держались проспекта. Она не знала, что проспект тянется на много миль и что они добрались до его истрёпанного, обтрёпанного конца. Они с Томми прошли под мостом, и после этого все дома словно повели себя странно. Одни смотрели в одну сторону, другие — в другую, а между ними, перед ними и позади них тянулась целая паутина железнодорожных путей.

— Как называется эта улица? — спросила Лави Мэри у маленькой босоногой девочки.

— Да это не улица вовсе, — ответила девчушка, с нескрываемым изумлением разглядывая странную парочку, — это Капустный переулок.

Глава III Семейство Хейзи

*«Здесь Грязь державная воздвигла трон свой
чёрный,
И дом, и хозяин, и хозяйка — все ей покорны».*

Мисс Хейзи была «десятой частью на дне» Капустного переулка. Дно это состояло по большей части из грязи и беспорядка, но мисс Хейзи была такой кроткой, беспомощной душкой, что Капустный переулок воздерживался от упрёков и терпеливо старался служить опорой этой цепляющейся лозе. У мисс Хейзи, правда, был Крис; но Крис отличался неустойчивым нравом — не только потому, что лишился одной ноги, но и потому, что был самым диким, самым шумным, самым безрассудным сорванцом, какой когда-либо швырял камнем в фонарный столб. Мисс Хейзи «вырастила» Крису, а соседи вырастили саму мисс Хейзи.

Когда Лави Мэри, спотыкаясь, переступила порог дома Хейзи со спящим Томми и уткой на руках, мисс Хейзи в смятении заметалась вокруг. Она отодвинула подальше на кровать сито для муки, освободив место для Томми, затем принесла стул для измученной девочки и захлопотала над ней с тревожным щебетаньем.

— Батюшки-светы! Совсем вымоталась, да? Заплутали вы с малышом? Вот беда-то какая! Может, чайку заварить? Только вот в печке огня нет. Ой, батюшки, что ж мне делать-то? Погодь минутку, пойду спрошу у миссис Уигтс.

Через несколько минут мисс Хейзи вернулась. С ней пришла маленькая женщина с приветливым лицом, чья улыбка, казалось, растопила все заledenелые места в сердце Лави Мэри, и та разрыдалась у неё на материнской груди.

— Ну-ну, будет тебе, — сказала миссис Уигтс, крепко прижимая девочку к себе и похлопывая по спине. — Нет такой ямы глубокой, чтоб кто-нибудь тебя из неё не вытащил. А тут мы с мисс Хейзи как раз и ждём, чтоб тебе подсобить.

В её манере было что-то настолько сердечное, что Лави Мэри утёрла слёзы и попыталась объяснить.

— Я хочу устроиться на место, — начала она, — да только никто не хочет брать ещё и Томми. Дальше нести его я не могу, а куда идти — не знаю, и уж почти ночь... — и снова рыдания сдавили ей горло.

— Батюшки мои! — воскликнула миссис Уиггс. — Да пусть это тебя не тревожит! К себе-то я тебя взять не могу — у меня Азия с Австралией и Европеной и так в одной кровати спят, — а вот тут, у мисс Хейзи, ты можешь остаться, верно, мисс Хейзи?

Хозяйка, для которой миссис Уиггс была настоящим оракулом, охотно согласилась.

— Вот и славно, решено. Теперь пойду домой да пришлю вам обоим горячего ужина с Билли, а завтра поутру время будет всё как след обдумать.

Лави Мэри, слишком измученная, чтобы обращать внимание на грязь, съела свой ужин с треснувшей тарелки, затем перебралась за Томми и сито с мукой и вскоре крепко уснула.

Утреннее «деловое совещание», чтобы «всё как след обдумать», завершилось благополучно. Поначалу миссис Уиггс склонна была расспрашивать, откуда взялись дети, но, увидев явное смятение и смущение Лави Мэри, приняла на веру, что те — сироты, а девочка ищет работу, чтобы прокормить себя и мальчика. В Капустном переулке уже сложился негласный закон: чужаков расспрашивать как можно меньше. Сюда и раньше приходили люди, не способные внятно рассказать о себе.

— Вот что я тебе скажу, как по мне будет лучше всего, — произнесла миссис Уиггс, которая обожала распутывать узелки. — Азия завтра возьмёт Мэри с собой на фабрику, поглядит, не найдётся ли ей местечка. Думаю, найдётся — она у хозяйки-начальницы на хорошем счету. А мы с мисс Хейзи вдвоём приглядим за малышом. Коли Мэри найдёт работу, будет тебе, мисс Хейзи, платить сколько-то в неделю — всем нам подспорье, не придётся столько снести со стороны присылать. Коли она заработает три доллара, да Крис три, так вы все и заживёте себе неплохо.

Лави Мэри почти весь день просидела в доме. Она едва решалась выглянуть в оконце — боялась увидеть мисс Белл или Кейт Райдер. Она сидела на единственном стуле с целым сиденьем и прилежно обмётывала петли для мисс Хейзи.

— Всё как-то не находится времени прибраться, — виновато сказала мисс Хейзи, заталкивая за дверь праздничный костюм Криса и банку керосина.

Лави Мэри огляделась и глубоко вздохнула. Комната была битком набита и переполнялась через край: мусор, жестяные банки и бутылки громоздились на подоконниках; хромой качалка с выцветшим лоскутным одеялом стояла перед печью, в открытой духовке которой сушился башмак Криса; посреди пола стояла старая швейная машина — на одном конце её лежало шитьё мисс Хейзи, на другом — немытая после обеда посуда.

Под кровать Мэри заглянуть не могла, но по опыту минувшего дня знала, что та служит одновременно и кладовкой, и гардеробом. Она вспомнила приют с его голыми, чистыми комнатами и безупречными полами. Она резко поднялась и вышла на задворки дома, где Томми играл с Европеной Уиггс. Они были всецело поглощены попыткой запрячь утку в катушечный ящик и почти не обратили на неё внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.